

Б.В.Ракитский³

БЫЛЬ О ТОМ, КАК ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ СССР ВЫДУМАЛА ИДЕЙНОГО ВРАГА - “РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ” - И КАК С НИМ БОРОЛАСЬ

Речь пойдёт о периоде 1968-1973 годов. Но выводы и уроки из событий той поры поучительны в плане методологии, теории и оценки практики советского периода.

Тот самый 1968-й...

Научная школа, к которой я принадлежу, к концу 1970-х годов выработала достаточно стройную концепцию деформаций и перерождений социализма (хотя опубликовали её лишь в 1988-1990 годах). А в 1968 г. для меня и некоторых моих товарищей окончательно прояснилась лишь принципиальная оценка политической и хозяйственной системы в СССР как фашистской (тоталитарной). Поэтому события “Пражской весны” мы восприняли как революционные, антитоталитарные по их направленности и содержанию. Признаюсь честно, что только в 2005 году я ознакомился с выдающимся историческим документом Пражской весны - “Двумя

³ *Статья написана по просьбе редакции журнала “Россия и современный мир” в марте 2007.*

Ракитский Борис Васильевич (1936) - доктор экономических наук, профессор. Окончил экономический (1959) и философский (1969) факультеты МГУ им. М.В.Ломоносова. В 1968-1973 гг. старший научный сотрудник сектора общих проблем политической экономики социализма Института экономики АН СССР, кандидат экономической наук.

тысячами слов...”⁴. И ещё раз убедился, что мы с моими единомышленниками в 1968 г. правильно оценили события Пражской весны.

“**Две тысячи слов...**” - один из самых известных и влиятельных документов антитоталитарной революции в Чехословакии, получившей название “Пражская весна”. По форме и первоначальному замыслу - это обращение (послание) к широким слоям народа тех, кто подписал текст, написанный весной 1968 года чешским журналистом (писателем) Людвигом Вацуликом. Сперва таких подписавших было 70 человек, а потом - всё больше и больше, так что в итоге общее число подписей не смогли точно подсчитать. Благодаря этому из обращения к народу “Две тысячи слов...” превратились в выражение воли и мнения народа, в народный манифест. “Две тысячи слов...” стали одной из форм демократической самоорганизации широких слоёв населения, формирования общественного сознания и укрепления решимости солидарно действовать во имя “социализма с человеческим лицом”.

“Две тысячи слов...” - замечательный памятник общественной мысли (общественного сознания) в том её состоянии, когда она активизируется в ситуации деформации социализма. Эта деформация характерна тем, что складывается и воспроизводится противоречие между фактической направленностью и фактическими способами общественного развития, с одной стороны, и массово распространёнными господствующими общественными идеалами - с другой.

В тоталитарных обществах советского типа в 1950-1970-х годах (в том числе и особенно в Чехословакии) господствующим в общественном сознании большинства

⁴ *Самиздатская* рукопись. Напечатано в издании “Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е - 1980-е” (Под общей редакцией В.В.Игрунова. Сост.: М.Ш.Барбакадзе) Том 2. - М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований. 2005. Стр. 302-307.

(и официально декларировавшимися идеалом) был идеал социализма. “Две тысячи слов...” констатируют (и эта констатация подписана миллионами чехов и словаков): “Большая часть народа с надеждой восприняла программу социализма”. Совершаемый Пражской весной 1968 г. процесс обозначается как процесс *возродительный*: “Весной этого года, как и после войны, мы стали перед новыми возможностями. У нас есть снова возможность взять в свои руки наше общее дело, рабочее название которого — социализм”. Вскрывается существо деформаций, прежде всего - отстранение народа от власти, монополия на власть правящей партии. Отсюда и магистральное содержательное направление возрождения социализма - демократизация.

“Две тысячи слов...” замечательны и тем, что формулировали и вносили в массовое народное сознание принципиальный план народных действий, обеспечивающих демократизацию и практическое возвращение социализму гуманистического начала (“человеческого лица”). Это был практический план действий народа в мирной общенародной антитоталитарной революции. Важно не забывать, что план этот реально действовал в Чехословакии до её оккупации СССР в августе 1968 г.

“Большое беспокойство в последнее время вызывает возможное вмешательство иностранных сил, - отмечается в “Двух тысячах слов...”. - Оказавшись лицом к лицу с превосходящими силами, мы должны будем только стоять на своём, не поддаваться на провокации. Своё правительство мы можем заверить в том, что будем следовать за ним даже с оружием в руках, лишь бы оно продолжало делать то, на что получило наши полномочия...”

В СССР была развёрнута ярая пропагандистская кампания, всячески порочащая “Две тысячи слов...”. Ни сам документ в целом, ни изложение его, ни даже отрывки из документа в СССР не публиковались - одни

ругательства в адрес его авторов. “Две тысячи слов...” распространялись в самиздате.

Хорошо помню, как и в стране, и в нашем Институте экономики АН СССР всё как-то напряглось и разграничилось. Всё чаще требовалось выбрать позицию, дать отчётливую оценку.

Весной 1968-го, помню, прибежал возбуждённый Альбертик (так мы звали между собой Альберта Михайловича Ерёмину - не последнего в будущем “антитоварника” и борца “за чистоту идей”); прибежал и стал рассказывать, что в журнале “Коммунист” ему заказали материал, который бы “давал чехам по мозгам”. Я ему тут же сказал: “Ты что, не понимаешь, чему взялся помогать? Они же армию двинут против чехов!” Он понимал, он действовал сознательно. Наши взаимоотношения определились, уже до конца дней.

В “Правде” (великое спасибо заведующему отделом С.М.Балбекову!) в июле 1968 напечатали две моих статьи о том, как заглохла хозяйственная реформа на горьковском заводе “Двигатель революции”. Некоторые хвалили, остальные молчали.

Заведующий другого отдела “Правды”, Сергей Митрофанович Ковалёв⁵ показал мне вёрстку моей большой (на два “подвала”) статьи о характере труда в рубрике “Вопросы теории”. Очень и очень престижная была рубрика. Показал и при этом сказал, что главному статья нравится. Дал два дня сроку, чтобы вставить 5-10 строчек, отмежёвывающих мою позицию от “идеологов чехословацких событий”. Были первые числа августа. Вёрстку я унёс и больше не вернул. Статья не пошла. Условие успеха я счёл неприемлемым.

⁵ Сергей Митрофанович - умница, интересный философ. А отметился и запомнился больше всего услужливыми новациями об “урезанном суверенитете” и “внутренней эмиграции”. Увы!

В июле 1968 состоялся принципиальный разговор с Я.А.Кронродом⁶. Он просмотрел вёрстку моей монографии “Формы хозяйственного руководства предприятиями”. Он был её ответственным редактором. Вычеркнул много текста, примерно четверть, больше четырёх печатных листов. Я горевал. И не только горевал, но пробовал убеждать не делать сокращений.

- Яков Абрамович! - говорил я. - Вы же видите, к чему идёт. Если сейчас это не напечатаем, уже не напечатаем вообще. Всё зажмут!

- Я, Борис Васильевич, это понимаю не хуже Вашего. Потому и нельзя рисковать.

- Я готов рисковать. Главное - напечатать! Я автор - на мне и скажется, если что.

- Да нет... На книге стоит и моя фамилия.

Я его не уломал. Всё, что наметил, он выкинул. В том числе и две схемы управления народным хозяйством. Одна - существующая, где во главе всего ЦК КПСС и парторганы. Другая - как должно бы быть, без ЦК КПСС и партийных органов. Схемы Кронрод прокомментировал совсем кратко: “Вы с ума сошли!”

“Формы хозяйственного руководства предприятиями” вышли в ноябре 1968. А в марте 1969 удалось выпустить ещё одну книжку - “Что такое экономические методы хозяйствования. Очерки по теоретическим проблемам реформы”. Эта книга вышла не под грифом Института. Решили обсудить её на секторе. Не знаю уж, почему так решили, но я был рад: интересно, что скажут товарищи.

Товарищи книжку дружно ругали. Некоторые скорее ругали, нежели хвалили. С большой обличительной речью выступил Яков Абрамович. Один, наверное, Лёва

⁶ *Кронрод Яков Абрамович (1912-1984) - европейски известный, выдающийся советский политэконом, в 1968-1972 - заведующий сектором общих проблем политической экономии социализма Института экономики АН СССР.*

Никифоров⁷ не только не ругал, а защищал и поддерживал.

С конца августа 1968-го, после введения войск в Чехословакию, по всему СССР прошли собрания в трудовых коллективах. Людей призывали голосовать за одобрение акции. Немало людей сознательно не пошли на эти собрания (я был в их числе). Кто оказался в зале, были, как в западнe. Приходилось из опасения попасть на заметку поднимать руку. Но часть людей всё-таки не поднимала. А один человек в Институте экономики АН СССР поднял руку “против”. Это Аркадий Гиневский, младший научный сотрудник нашего сектора.

Заместитель директора Н.И.Линкун потребовал объяснений от парторга нашего сектора Л.В.Никифорова. Тот советовал Аркаше сказать “зазевавшимся” и просто забывшим опустить руку. Но Аркаша, будучи вызванным к Н.И.Линкуну, чётко сказал, что голосовал “против”, протестуя против акции. Таких было по одному на коллектив. Семеро (нет, восемь) вышли 25 августа 1968 г. на Красную площадь.

Аркадия Гиневского из Института через некоторое время уволили. Как сложилась дальше его судьба, я не знаю. Но о его гражданском мужестве всю жизнь помню и не дам забыть.

Партноменклатура ищет врага

В связи с “Пражской весной” в стране был развёрнут “поиск врага”. Хозяйственная реформа, начатая было в 1966, захлебнулась. Руководство страны не пожелало сопрягать расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и объединений с хоть какими-нибудь шагами в сторону демократизации политической и общественной жизни. Так что и в хозяйстве вышла не демократизация, а

⁷ *Никифоров Лев Васильевич (1933) - видный российский политэконом. В 1968-1972 гг. старший научный сотрудник сектора общих проблем политической экономики социализма Института экономики АН СССР.*

некоторая децентрализация управления (то есть далеко не то, что объективно требовалось). Реальным последствием провала реформы стало постепенное формирование теневого капитала (оборота скрытых ресурсов) на предприятиях. Позже, в 1970-1980-х, процесс этот дошёл до сращивания теневого капитала с партаппаратом.

Очередной провал попыток реформировать советское хозяйство на фоне чехословацкой революции требовал чего-то такого, что выглядело бы как перехват инициативы в идейной области. Надо знать советский тоталитарный режим, чтобы понять: ничего конструктивного в качестве перехвата инициативы предложено быть не могло. На всё конструктивное при тоталитаризме установлена монополия, как и на власть. А тоталитарная власть в принципе неспособна к самореформированию. Вспомните горбачёвскую перестройку (1985-1987). Ведь никаких новых конструктивных идей правящая каста, вооружённая вроде бы, по словам М.С.Горбачёва, “новым мышлением” так и не предложила. Вся программа свелась к “Начать с себя!”, “Углубить!” и “Больше социализма!”.

В принципе такой же тоталитарная власть была и при Брежнев-Суслове. Вместо анализа ситуации, вместо стратегии перемен власть благосклонно отнеслась к инициативе найти злостного идейного врага и обезвредить его.

Инициативу проявили работники аппарата ЦК КПСС, а если конкретнее - работники Отдела науки ЦК КПСС. Сталинистов в этом отделе было более чем достаточно. Вот как писал об этом в ЦК КПСС в 1970 г. вице-президент АН СССР академик А.М.Румянцев:

“...В последние годы деятельность Отдела науки всё больше сводится к функциям своего рода “цензора”, органа, наказывающего отдельных учёных и научные коллективы за те или иные просчёты или ошибки...”

Характерно, что эти односторонние функции, к

которым, по существу, сводит свою деятельность Отдел науки, в последнее время начали определять и подбор кадров в него. В качестве примера я мог бы привести заведующего сектором экономических наук тов. Скипетрова, назначенного на этот пост около двух лет назад... (Привожу именно этот пример, поскольку он мне, как экономисту, особенно близок, вместе с тем таких примеров в отделе много). ...Назначение получил весьма заурядный преподаватель политэкономии, который никакого другого опыта не имеет и, кроме чтения элементарных лекций студентам, практически ничем себя не зарекомендовал. Естественно, что он без всякого вкуса, интереса и даже понимания отнёсся к экономическим исследованиям, призванным служить практике, оказывать действенную помощь ЦК КПСС и правительству. Мало того, тов. Скипетров повёл кампанию против многих наиболее творческих людей в нашей экономической науке, занял в идущих здесь спорах групповую, беспринципную позицию. Дело в том, что он, судя по опубликованным работам, принадлежит к так называемой группе “антитоварников”, т.е. людей, отрицающих существование товарного производства при социализме, что находится в противоречии не только с мнением большинства советских учёных-экономистов, но и с целым рядом важных партийных решений. Естественно, что попав в аппарат ЦК, он занял позицию необъективную, отвечающую интересам определённой группы учёных, и это создало существенные ненормальности в положении на экономическом фронте”⁸.

Антитоварность и антитоварники

Что было в головах аппаратчиков, конструировавших идейного врага? Сталинистская картина мира,

⁸ “Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах” (Отв. редактор Г.С.Батыгин, редактор-составитель С.Ф.Ярмолюк) - СПб. 1999. Стр. 458-461.

методологическим стержнем которой является вульгарный материализм (экономический материализм, экономический детерминизм). Вульгарный материализм характерен тем, что берёт какую-либо сторону общественной реальности и возводит её в абсолютную причину на все времена, объявляя всё остальное в обществе её следствием. Экономический материализм вульгарен потому, что экономические отношения (базис) объявляет вечной и единственной причиной общественного развития, считая всё остальное следствием (надстройкой). Крупный советский философ Г.С.Батищев очень удачно назвал экономический материализм вульгарной тенью марксизма. Хотя, как ни парадоксально, именно К.Маркс лично дал толчок этой вульгаризации в своём «Предисловии к «Критике политической экономии». В 1890-х годах Ф.Энгельсу пришлось даже «выправлять положение», сетовать на то, что «молодёжь иногда придаёт больше значения экономической стороне, чем это следует», а по ходу дела сформулировать принцип диалектико-материалистического детерминизма: причина и следствие *меняются местами*, в практической жизни имеет место их *взаимодействие*.

От первоначального марксизма идёт, к большому сожалению, и так называемая антитоварность. Антитоварность - своеобразная разновидность товарного фетишизма. В теоретических выкладках классиков марксизма, а затем и у В.И.Ленина наблюдается непреодоленность товарного фетишизма. Причиной эксплуатации у них каким-то образом (как теперь сказали бы, «по умолчанию») оказывается не узурпация власти в хозяйстве (то есть не частная капиталистическая собственность), а рынок, товарность хозяйства, отношения «прославленной стоимости» (выражение Ф.Энгельса). Когда аргументация зажата в прокрустово ложе одной только экономики (пресло-вутаго базиса), иначе и не может получаться.

Сталинисты построили систему жесточайшей эксплуатации, включавшей даже полукрепостнический корпоративистский уклад и рабский уклад-рецидив (система ГУЛАГа), общество без малейших признаков демократии, однако считали это своё общество обществом без эксплуатации, потому что ... в нём не было рынка и реальных товарно-денежных отношений. Прямой продуктообмен - вот их критерий законченности перехода к коммунизму. Чудно, но даже в окультуренном сталинистском учебнике - "Курсе политической экономии" (под ред. Н.А.Цаголова) - о товарно-денежных отношениях говорилось в разделе под идейно чётким названием: "Экономические отношения, сохранившиеся от досоциалистических форм производства"⁹.

Отсюда должно быть понятно, как сталинист опознаёт и метит страшнейшего врага. Это не "социально близкий" хозяйственник, понаторевший в приписках и встречных планах (своеобразный сталинистский "откат"), а опасный теоретик, рассуждающий об эквивалентности обменов, о гибкости цен (вплоть до договорных), о горизонтальных (а не только и не исключительно вертикальных) хозяйственных связях и т.п. Имя такому

⁹ *Курс политической экономии. В 2 томах. (Под ред. Н.А.Цаголова. Том 2. Социализм. Изд. третье, переработанное и дополненное. - М.: "Экономика". 1974. Стр.263. На этой странице, кстати, в очередной раз прямо-таки отчеканена антитоварность как идеология и методология. Характер и сущность капиталистических производственных отношений "не может быть раскрыт при отвлечении от товарных отношений". В отличие от этого, "социалистические производственные отношения по своей сущности не являются товарными". Нет чтобы сказать по-марксистски глубоко: сущность капитализма - эксплуатация наёмных рабочих как класса классом частных капиталистических собственников, а сущность социализма - уничтожение эксплуатации, общество без эксплуатации. Но сущность, водораздел сущностей, как видим, - не эксплуатация, а товарность отношений.*

врагу - “рыночник”, а собирательный образ врага (“Идея-враг”) - “рыночный социализм”.

Идея-Враг и конкретные идейные враги

Итак, “рыночный социализм” - та бескомпромиссная модель подрывной “вражеской идеи”, до которой по своим способностям только и могли доработаться сталинисты-антитоварники. “Рыночный социализм” был утверждён партаппаратом КПСС на роль Идеи-врага.

Но была у них заковыка. Не было дураков, которые выступали бы за “рыночный социализм”. Прежде всего, не было их в Чехословакии, откуда шла “вся зараза”. О социализме с человеческим лицом говорили каждый чех и каждый словак. А надо было найти таких чехов и словаков, которые призывали бы к социализму с рыночным лицом (по мысли сталинистов-антитоварников, это означало бы “социализм с капиталистическим лицом”. Ага-а-а!).

И что вы думаете! Одного чеха преобразовали в “рыночного социалиста”. Им стал Ота Шик¹⁰. Его ни с того, ни с сего стали интенсивно критиковать за этот самый “рыночный социализм”. Он ничего подобного не писал, но критика из Советского Союза придавала ему значимость и известность на родине и в Европе. Тщеславие взяло верх. О.Шик поддался на критику, как на приманку. Стал подтверждать то, что ему приписывали “критики”. В результате вроде бы появилось идейное политико-экономическое обоснование “Пражской весны” и её вредоносного характера. Не “социализма с человеческим лицом”, а рынка, оказывается, хотели миллионы чехов и словаков, и эту свою низменную вожделенную цель прикрывали святым именем социализма.

Сверху, от ЦК КПСС, пошёл политический заказ: найти и изобличить у нас в СССР зловредный “рыночный социализм”. Две самых реакционных школы в

¹⁰ Шик Ота - чешский экономист. В 1968 - директор Института экономики Чехословацкой Академии наук.

политической экономии СССР - кузьминовская (Академия общественных наук при ЦК КПСС) и цаголовская (экономический факультет МГУ) - взялись исполнять этот заказ тоталитарной власти.

Школа Я.А.Кронрода и Институт экономики АН СССР в целом оказались подходящей мишенью. Фронт нападения сталинистов на сторонников и идеи демократических хозяйственных реформ был, конечно, шире. Было определено (как бы назначено¹¹) 5 фамилий сторонников якобы рыночного социализма.

- Твоя папка четвёртая по толщине, - рассказывала мне одна красавица, приятель которой работал в ЦК КПСС.

- Что ещё за папка?

- А там собирают сигналы: письма там, отклики, доносы. На тех, кто подрывает наш строй, кто ...рыночный социалист, так, кажется. Собирают и складывают в папки. Так велено.

- А сколько же всего папок?

- Не знаю. Спрошу.

Папок оказалось пять. По толщине в таком порядке: Г.С.Лисичкин, Е.Г.Либерман, А.М.Бирман, Б.В.Ракитский,

¹¹ Пишу так не от мании величия и не от мании преследования, а просто от знания способов работы тоталитарной системы. После вторжения СССР в Чехословакию 21 августа 1968 г. мы с Г.Я.Ракитской перестали называть между собою тогдашнюю советскую систему антисистемой, идентифицировали её с обыкновенным фашизмом. У нас было 20 с лишним лет для тщательного наблюдения за тем, как эта система практически работает. Идентифицировав её, мы начали её исследование. Когда проверяешь гипотезу, многое видишь строже и острее, чем когда обличаешь и т.п. Так вот: среди прочего мы пришли к выводу, что любая диктатура, а фашизм особенно открывает реальные возможности исторического рецидива мерзостям всей предшествующей истории. У А.И.Солженицына в "Архипелаге ГУЛАГ" россыпь примеров на этот счёт. В практике борьбы с "рыночным социализмом" в СССР в 1960-е годы имел место рецидив такой относительно невинной древней мерзости, как остракизм.

Н.Я.Петраков. Так нас пятерых и прорабатывали в диссертациях и публикациях АОН при ЦК КПСС и Экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

- Ты не волнуйся, - успокоила меня моя “шпионка”. - Велено складывать в папки, а мер пока никаких не принимать.

Меры потом были. Имя Геннадия Степановича Лисичкина стояло “на картотеке” в Главлите (в цензуре). “На картотеке” потом стояла моя книга “Формы хозяйственного руководства предприятиями”. “На картотеке” - это советский вид остракизма. Если что-то на картотеке, то на это в литературе не может быть, не допускается цензурой ни малейших положительных, даже нейтральных ссылок и упоминаний. Допускаются только негативные, лучше - погромные.

До меня лично и до Института экономики АН СССР борьба с рыночным социализмом добралась в начале 1970 г. Сначала лягнул в центральной печати заместитель председателя Госплана СССР А.В.Бачурин.¹² за призыв к ценам по договорённости (к договорным ценам). Потом в газете ЦК КПСС “Социалистическая индустрия” вышла статья Меланьи Федотовны Ковалёвой (профессор АОН при ЦК КПСС) и к.э.н. Константина Кобытова (кажется, сотрудник цековского журнала “Агитатор”). Статья называлась “Ошибочные позиции. О книге Б.В.Ракитского “Формы хозяйственного руководства предприятиями”.

Не такая я был крупная дичь, чтобы палить по мне из такого калибра. Палили по направлению мысли, искали

¹² *Бачурина А.В. я неожиданно обнаружил на соседней кафедре в РАГС, когда в 1996 г. пришёл туда преподавать по совместительству. К моему изумлению, этот борец с рыночным социализмом слыл в РАГС одним из отцов “рыночной косыгинской реформы” и был теперь автором двух или трёх книг о рыночной экономике и о её пользе. Бессовестные были люди в руководстве СССР. Не удивительно, что потеряли власть, удивительно, что так долго удерживали.*

идейных врагов, подбирались к Я.А.Кронроду и особенно - к Институту экономики АН СССР. Вскоре это и подтвердилось. Но я оказался вытолкнутым на авансцену событий. И отчасти в центр внимания научной общественности.

Женя Ясин¹³ мне тогда даже позавидовал: получил, дескать, известность. Дурачок.

Слава богу, я от природы начисто лишён тщеславия (так мне кажется, честное слово). Лишён и страха (серьёзных опасений) за своё общественное положение. Но эмоции по поводу громкой разгромной критики у меня тогда были. Две. Одна - злорадство: “Проглядели, проспали, фашисты! Книга (тираж - 10000 экз.) раскуплена за полтора месяца. У людей не отнимешь. Вон и из Ленинки выкрали. Теперь критикуйте, сколько хотите!”¹⁴ Другая - чувство неловкости. Дал повод бить по Институту. Но ведь не будь этого, нашли бы другой повод. И всё же...

Словом, героем я себя не чувствовал. Несколько виноватым перед товарищами. И был совершенно

¹³ Ясин Евгений Григорьевич (1932) - один из нынешних российских пропагандистов либерального фундаментализма. В 1968 г. кандидат экономических наук, зав отделом НИИ ЦСУ СССР.

¹⁴ Оказалось, что мои надежды насчёт того, что “у людей не отнимешь”, были вполне оправданными. Уже в 2000 году Владимир Александрович Мау (политэкономом гораздо более молодого поколения) говорил о “несомненном влиянии Б.В.Ракитского и его книги 1969-го года, полузапрещённой, которая, конечно, была пиком дискуссии вокруг хозяйственной реформы”. С другой стороны, В.А.Мау была отмечена и “статья трёх университетский авторов, фактически ставшая могильщиком экономической реформы. Имеется в виду первый номер “Вестника МГУ” за 1969 год, статья, разоблачившая взгляды Либермана, Бирмана, Кронрода и т.д., что и привело к фактическому запрету на книгу Ракитского” (Институт экономики РАН. Экономические исследования Института: итоги и перспективы. Материалы “Круглых столов”. М.: 2000. Стр.54-55.

безмятежен относительно последствий для меня лично. Как много всё-таки значило, что этой системе (имею в виду существовавшую в СССР политическую систему) мы осознанно и бесповоротно противопоставились ещё в августе 1968! Сейчас, в 1970-м, было понимание, что лупит по тебе из крупного калибра враждебная тебе система. Даже не представляю, что и как бы я чувствовал, если бы считал эту систему своей. Здорово бы, наверное, психовал и всё, наверное, пытался бы разъяснить “недоразумение”, писал бы начальству какой-нибудь “детский лепет” и приводил бы, наверное, доказательства “лояльности”.

А так всё было без недоразумений. Те, кому следовало, главное в моей книге и в моих статьях поняли правильно. Глупо, конечно, было приписывать мне “рыночный социализм”. Не был я никаким “рыночным социалистом” (и никто “рыночным социалистом” не был). Я был рядовым антифашистом. Высокопарно это звучит в нынешнее время. Вроде как “антифашист задним числом”. Но спросите у Льва Васильевича Никифорова - моего друга и комиссара. Он подтвердит, что всё было тем самым числом, а не задним. Да и мои ученики подтвердят.

Образчики тогдашней идейной борьбы с “рыночным социализмом”

Позвольте привести две-три выдержки из тогдашних публикаций, направленных на изобличение “рыночного социализма”.

Вот слова А.В.Бачурина (то, что было в 1970 в газетах, перекачовало в книгу, изданную в 1973):

Некоторые экономисты, отмечая недостатки в планировании, нехватку тех или иных продуктов или отдельные диспропорции, предлагают в качестве средства борьбы с ними не что иное, как конкуренцию предприятий. Вместо того чтобы устранить недостатки и диспропорции путем улучшения планирования и

стимулирования, совершенствования управления и экономического регулирования производства, эти экономисты предлагают, по сути дела, вернуться к капиталистическому принципу развития производства. Они упускают из виду, что свободная конкуренция и планирование несовместимы.

Принцип конкуренции выводится указанными экономистами из товарного характера социалистического производства. Так, один из сторонников конкуренции Б. Ра-китский заявляет: "...Если мы признаем социалистическое товарное производство, неизбежно надо признать и объективную необходимость конкуренции между социалистическими производителями" (Ракитский Б. Уроки хозрасчета.— "Комсомольская правда" 1966,19 октября). По мнению Б. Ракитского, внутриотраслевая конкуренция будет радикальным средством обеспечения высокого качества продукции, развития предприимчивости и инициативы предприятий, использования наиболее выгодных условий продажи продукции с учетом спроса и предложения на рынке.

Автор оговаривается, что он имеет в виду не всякую, а только экономически здоровую конкуренцию. Но о какой же здоровой конкуренции может идти речь, если предлагается предоставить предприятиям право свободного установления цен в зависимости от спроса и предложения. "Цены, — пишет Б. Ракитский, — должны колебаться в обе стороны. А когда и насколько, и в какую сторону, это должны решить между собой покупатель и поставщик" (там же). Защищая полную самостоятельность предприятий, он утверждает, что "функция регулирования обмена перестаёт быть функцией центральных органов" поскольку "негибкое ценообразование и фондирование пресекают развитие внутриотраслевой конкуренции, глушат создаваемые ею импульсы для развития технического прогресса" (Ракитский Б.В. Формы хозяйственного руководства

предприятиями. М.. “Наука”, 1968, с. 176).

За использование конкуренции, по существу, выступает и проф. А. М. Бирман...”¹⁵

Статья в газете ЦК КПСС “Ошибочные позиции” (5 марта 1970) вменяла мне как автору критикуемой книги идеи возведения рынка в единственный регулятор хозяйственного развития. Между тем четыре пятых текста посвящены как раз государственному руководству предприятиями. Умалчивая об основном содержании монографии, критики писали:

“Всем содержанием книги автор пытается убедить читателей в необходимости изменения коренных принципов руководства народным хозяйством.

... Предлагается предоставление предприятиям такой самостоятельности, которая означала бы на деле их полное обособление.

... Фактически автор ставит под вопрос централизованное планирование вообще...

... Сказанное не оставляет сомнения в том, что система предлагаемых в книге мер означает практически замену социалистических методов хозяйствования рыночным регулированием отношений. Полная хозяйственная самостоятельность предприятий, реформирование обмена на основе децентрализации, свободных отношений между предприятиями и внутриотраслевой конкуренции сводят на нет оговорки автора о необходимости правильно сочетать план и рынок.

... В соответствии с системой изложенных в книге взглядов рекомендуется изменить и стиль руководства народным хозяйством. ... Предлагается ввести выборность директоров предприятий, их сменяемость и т.д.

Из приведенных фактов нетрудно сделать вывод о полной несостоятельности рекомендаций Б.В.Ракитского.

¹⁵ А.В.Бачурин. *Планово-экономические методы управления*. - М.: “Экономика”. 1973. Стр. 233-234.

Вызывает удивление и сам факт их появления в печати под эгидой издательства “Наука”

Основная часть борьбы - нелитературная

Основной частью борьбы под прикрытием борьбы якобы с “рыночным социализмом” стала борьба со всем более или менее живым в политико-экономической науке. На пике этой пошлой и реакционной кампании оказалась схватка 1970-1971 года за Институт экономики АН СССР. Институт был фактически очагом десталинизации экономической науки в СССР (политической экономии прежде всего). Схватка эта в целом была проиграна. В Институт “ввели танки”, если говорить терминами подавления Пражской весны. Старый Институт был полностью разгромлен, стал похожим на экономфак МГУ. Когда в 2000 или в 2005 кое-кто, юбилейничая, выстраивал линию преемственности развития Института экономики, этот кое-кто кривил душой. Не преемственность, а захват. Введение танков - это не преемственность.

Битва была проиграна. Но не без обороны, не без боёв. Эта оборона и эти бои многому научили, можно сказать - многих воспитали.

Оборону Института (не как места работы, а как пространства десталинизации экономической науки) организовали непосредственно зам. директора Москвин Дмитрий Дмитриевич и секретарь парторганизации Никифоров Лев Васильевич.

Директор наш Лев Маркович Гатовский был человеком, напугавшимся раз и навсегда ещё в молодости. Говорили, что он был очень талантлив как учёный и выдал в 1920-х годах несколько великолепных экономических статей. Говорили, что статьи привлекли пристальное внимание самых высоких властей. С тех пор весь талант Льва Марковича сосредоточился на выживании в системе.

Так что оборонять Институт пришлось, имея директора, готового сдать в любую минуту.

Дмитрий Дмитриевич Москвин и Лев Васильевич Никифоров оказались воспитанными не на сталинистских карьерных традициях (как, к примеру, пресловутый карьерист В.Н.Ягодкин из МГУ, сделавший было парткарьеру), а на комиссарских традициях. Они были моложе наших институтских стариков, но их взаимопонимание со стариками комиссарского склада было фактически полным. Москвин и Никифоров стали ядром, дирижёрами обороны Института от сталинистской атаки. А все несталинистские силы объединились вокруг них. От взаимопонимания дело пошло к взаимодействию.

Не все оборонительные меры и манёвры были на виду, и многого я в точности не знаю. Но то, что оборона была серьёзной, подтверждается серьёзностью оргвыводов в отношении Д.Д.Москвина и Л.В.Никифорова после “введения танков” в Институт и после рассмотрения вопроса об Институте на Секретариате ЦК КПСС в декабре 1971 г.

Ряд эпизодов открылся гораздо позже, после падения тоталитарной власти КПСС. Например, письмо академика А.М.Румянцева в ЦК КПСС от 1 июля 1970. В нём есть фрагмент, относящийся к истории борьбы с “рыночным социализмом”:

“В целом ряде случаев мы сталкиваемся с тем, что место конструктивной критики результатов научных исследований занимают грубые, неквалифицированные “разносы”, унижающие достоинство учёных и препятствующие творческой работе. Встречаются и случаи прямого произвола, особенно в организации научных дискуссий и определении судьбы ряда научных направлений. Вот некоторые из фактов.

1. В 1968 году издательство “Наука” выпустило книгу сотрудника Института экономики АН СССР Б. В. Ракитского “Формы хозяйственного руководства предприятиями”. И сама тема, и характер разработки её тесно связаны с потребностями *экономической реформы*. Ставятся вопросы, носящие поисковый характер и ещё

требующие дискуссии. Книгу положительно оценила научная печать — у нас и в Болгарии. Тем удивительнее тон статьи “Ошибочные позиции” (авторы тт. М. Ковалева и К. Корытов), с которой выступила 5 марта 1970 г. газета “Социалистическая индустрия”. Рецензенты совершенно обошли главную идею книги (3/4 текста) о необходимости создания производственных объединений. Они сосредоточили внимание не на действительных слабостях в аргументации тов. Ракитского по отдельным вопросам. Произвольно толкуя текст, авторы приписывают исследователю политические ошибки и несуществующий “замысел” — заменить социалистические методы хозяйствования рыночным регулированием.

Статья в газете “Социалистическая индустрия” была обсуждена Ученым советом Института экономики 7—9 апреля с. г. Выступило более 20 человек. Общее мнение: статья искажает содержание книги, а своим тоном и подходом мешает развитию нашей экономической мысли (прилагаю заключение ведущих специалистов)”¹⁶.

Выводы

Крайне важный вывод из борьбы с “рыночным социализмом” состоит в том, что официальная политэкономия СССР показала, во-первых, свою пошлую апологетическую сущность, а, во-вторых, свою полную методологическую и теоретическую никчёмность. Это надо же такое выдумать - “рыночный социализм”. Разве хоть когда-нибудь в истории использовался такой метод типизации обществ или идеологий, который искал бы специфику общества в некоторой отдельно взятой черте хозяйственного механизма? Даже вроде бы более солидный термин “государственный социализм” методологически никуда не годится, а “рыночный” - тем

¹⁶ “Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах” (Отв. редактор Г.С.Батыгин, редактор-составитель С.Ф.Ярмолук) - СПб. 1999. Стр. 451

паче. Представьте себе, что именно более или менее однопорядковое (парное) надо противопоставить прилагательному “рыночный”, чтобы дать правильную характеристику социализму. Они, видимо, думают, что “плановый” или “планомерный”. Нет, это не однопорядковая характеристика. Любое рыночное хозяйство одновременно и плановое. Однопорядковое - “внерыночный”, то есть “бартерный”. Как у Сталина, бредившего прямым продуктообменом. Дичь! Апология деградации общественной организации труда.

Услужливые политэкономы из кузьминовской и цаголовской школ были нашпигованы “антитоварностью”, возводили эту “антитоварность” в абсолют, в критерий социалистичности. Это, по правде говоря, другая, более интересная и острая тема. Антитоварность сослужила крайне вредную службу в истории социалистических движений и особенно в социалистических революциях.

Но повторяю, это более серьёзная тема. Я же хотел напомнить о борьбе с “рыночным социализмом”, чтобы не дать забыть о методологической и теоретической ничтожности официальной политэкономии в СССР в период разложения тоталитарного (фашистского) режима в 1960-е - 1970-е годы.